

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ТИПОВ БИЛИНГВИЗМА С УЧЁТОМ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ

О.С. Зубкова

Курский государственный университет, Курск

В статье рассматриваются некоторые аспекты изучения билингвизма с точки зрения реализации социальных факторов языка. Отмечается наличие определённых когнитивных преимуществ у билингвов с ранним овладением двумя языковыми системами (когнитивная гибкость, лучший контроль за исполнительными функциями при обработке языковой информации, а также зрелость языковых навыков, объективирующаяся при овладении вторым языком).

Ключевые слова: билингвизм, ранний билингвизм, когнитивные навыки, иноязычная культура, социализация языка

В настоящее время очевидна интенсификация изучения познавательной и когнитивной деятельности индивида, связанная с формированием концептуальных архетипов иноязычной культуры. В связи с этим наблюдается повышенный интерес научного сообщества к способам репрезентации последней, описанию глубинных структур иноязычного языкового сознания и формам его экспликации.

Общеизвестно, что билингвизм имеет две основные формы: социальную и индивидуальную. В социальном билингвизме выделяют билингвизм диглоссический, реализующийся в ситуации сосуществования двух вариантов языков в пределах одного языкового сообщества, каждый из которых «обслуживает» определённые социальные функции (см. напр. [9]). В рамках индивидуальной формы билингвизм определяется с точки зрения «психологического состояния доступности двух языковых кодов и их лингвистических коррелятов» [11: 446]. Этот тип двуязычия является доминирующим в модели, например, конкретной семьи и передается родителем (-ями) ребенку.

G. Lüdi и B. Py [15: 9] отмечают, что потребности индивида в личном и социальном использовании языка могут служить основой для создания усовершенствованной типологии билингвизма. Так, например, наличие двух языков использования в ежедневном общении в семьях, на работе или во время отдыха, позволяет дифференцировать их с диглоссических позиций. Кроме того, так называемый «язык выходного дня», на котором говорят во время еженедельного возвращения в семью после осуществления профессиональной деятельности в ином языковом пространстве, равно как и «язык недели», отвечающий повседневным потребностям, фактически адаптируют ментальные черты иноязычной формы сознания, выражаемой на лексическом и синтаксическом уровнях. Вместе с тем учёные обращают внимание на частотность использования основного языка в сочетании с хорошим знанием другого языка, время от времени контактирующим с иным иностранным языком в рамках реализации окказиональных профессиональных контактов, каникул и т.д.

Кроме того, дифференциация двуязычия в соответствии с контекстами применения отражается в детерминации сложного, комбинированного и второстепенного двуязычия [17; 8; 11; 13]. Комбинированный билингвизм, по мнению J. F. Hamers и M. Blanc [11] реализуется, например, в одновременном раннем изучении двух языков ребёнком. Последний постигает переводные эквиваленты двух языков, соответствующие одному семантическому единству и связанному с использованием данных языков в одинаковых социальных контекстах. Этот тип двуязычия нередко репрезентируется среди смешанных пар или в случае существования двух государственных языков.

В данном варианте двуязычия ребенок развивает параллельно обе языковые системы и для номинации оперирует двумя значениями. Он проецирует номинацию понятий второго языка на значения его родного языка. Как нам представляется, это вполне коррелирует с выделением аддитивной и субстративной форм раннего билингвизма [14]. В первом случае ребенок развивает оба языка сбалансировано и гармонично, обеспечивая определённые когнитивные преимущества путём развития языков в привычных социокультурных средах. В то время как в случае объективации субстративной формы, второй развивается в ущерб родному языку, что приводит к определённым когнитивным недостаткам. Это особенно заметно в контексте, когда родной язык ребенка обесценивается окружением в пользу социально более престижного общественного языка. Выводы, например, W. E. Lambert [14] и R. Delamotte и M.-A. Akinci [8], показали, что дети имеют лучшие результаты когнитивной деятельности, если регулярно используют язык, не относящийся к общеупотребительному, но положительно оцениваемому семьей и/или школой. По нашему мнению, в подобных обстоятельствах культурологическая вербальная и невербальная проницаемость позволяет развивать конгруэнтность речеповеденческих тактик индивида и увеличивает продуктивность коммуникации.

Среди положительных эффектов одновременного раннего двуязычия отметим следующие аспекты.

1. Двуязычные дети лучше, чем моноязычные выполняют вербальные и невербальные тесты по мере развития интеллекта [17].

2. У билингвов раньше, чем у моноязычных детей, развиваются металингвистические способности. Раннее овладение двумя языковыми системами позволяет ребенку быстрее распознавать произвольный характер языкового знака, что, по мнению многих учёных, позволяет получить доступ к абстрактному мышлению на более ранней стадии (см. подр.: [2; 10; 13]).

3. У билингвов раньше, чем у монолингвов формируется понимание семантической неоднородности лексем [18]. У детей-билингвов развивается способность к концентрации и анализу дистрибутивных свойств языковой системы и речи [10]; они легче запоминают данные и более эффективно контролируют различные этапы в решении сложных, неоднозначных задач [13].

4. У билингвов раньше, чем у монолингвов развивается способность к восприятию концептуальных структур [17; 15; 13]. Билингвы более разносторонне развиты, чем монолингвы [17; 3].

Как отмечает А.А. Залевская, анализируя выводы Э. Бялисток, у билингов присутствует уникальный механизм контроля внимания, требующийся «для правильного выбора формы, которая не только отвечает всем критериям формы и значения нужного языка, но и составляет часть именно этого языка, а не конкурирующей языковой системы» [1: 136].

Контакт двух языков с момента рождения облегчает процесс овладения третьим языком [15]. Раннее овладение двумя языками также оказывает положительное влияние на общее развитие личности: знакомясь с языками, ребёнок познаёт и культурные коды, приобретая интеллектуальную и культурную открытость [15].

Доказано выполнение более сложных когнитивных задач двуязычными индивидами (как на уровне письменной речи, так и на уровне устной) [цит. раб.: 136]. Ребенок-билингв спонтанно чувствителен к языковому поведению окружающих [цит. раб.: 195].

Билингвизм обеспечивает потенциальное когнитивное и металингвистическое превосходство погружённым в двуязычную среду [15; 11]. Однако, как отмечают К. Nakuta и R. M. Diaz [10], осуществившие исследование раннего двуязычия, в сравниваемых группах монолингвов и билингвов у последних могут возникать трудности с адаптацией языкового пространства к применяемым языковым навыкам в раннем возрасте. По мнению авторов, это связано с индивидуальным уровнем когнитивного развития, социальными факторами и частотностью реализации условий использования конкретного языка.

В связи с этим интересным представляются выводы этих учёных [9] констатирующих, что выделяемые преимущества двуязычия смещают научный интерес на исследования в области когнитивного развития в период раннего билингвизма. Однако, необходимо отметить то обстоятельство, что они основывают свои выводы на данных психометрических тестов, не позволяющих однозначно ответить на вопросы, например, о том, какими когнитивными стратегиями пользуется ребёнок при восприятии и обработке речи или какие стратегии позволяют развивать и повышать его когнитивные способности. Ответы на эти вопросы могут позволить приблизиться к пониманию реальных различий билингвов и монолингвов.

Напомним, что гипотеза церебральной латерализации ребенка-билингва и открытие зон Брока и Вернике, специфических областей головного мозга, связанных с артикуляцией речи и языком, добавляет вопросы о корреляции стимульно-реактивного и активного/пассивного смыслопорождения; способов формирования смыслов в языковом сознании и качественной определённости концептуальных полей референтных областей; экспликации национального и универсального при кодировании/декодировании речевых сообщений. Подчеркнём, что в настоящее время однозначных ответов на эти вопросы не существует. Вместе с тем потенциал гуманитарных и естественнонаучных данных в искомом направлении позволяет артикулировать значительные изменения в качественном анализе. Так, например, J. Paradis [16] отмечает, что более активная латерализация правой гемисферы двуязычного ребенка может объяснить фор-

мирование особых когнитивных стратегий, реализуемых им в будущем при овладении элементами изучаемых языков.

Как свидетельствуют работы [3; 4; 6; 7; 12; 5], особая организация мозга ребёнка-билингва позволяет ему развивать более сложный контроль над исполнительными функциями при обработке языковой информации. Данная гипотеза подтверждает определённое превосходство билингвов на уровне навыков оценки «грамматичности» семантической информации и переработки когнитивных стратегий при повторном решении неоднозначных задач (см. подр.: [7]).

Резюмируя сказанное выше, заметим, что реализация социального аспекта языка объективирует приобретаемую индивидом интуицию его использования в билингвальном контексте. Функционирование слова как «достояния индивида» (термин А.А. Залевской), в том числе и иноязычного в речемыслительном механизме обеспечивает взаимопонимание в коммуникативном акте и выводит на определённый фрагмент индивидуальной картины мира. В связи с этим перспективным представляется акцентирование исследовательского интереса не только на преимуществах или недостатках билингвизма, в том числе и раннего, на научном конструкте его типологизации, но и на интерференции психолингвистической составляющей и психосоциальной ситуации, в которых реализуется языковая личность [19]. Представляется значимым изучение эвристики множественности культурных кодов, синестезии кодовых переходов при овладении вторым языком на разных уровнях, реализации социальной, профессиональной, риторической и семиотической компетенций в рамках когнитивного акта. Очевидно, что феномен гармоничного интермодального восприятия зависит не столько и не только от уровня владения языком/языками монолингвом или билингвом, но в первую очередь от психических процессов, экспрессии субъективных переживаний, культурологических фильтров, конвенционализации конкретного языка.

Список литературы

1. Залевская А.А. Вопросы естественного семиозиса: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. 160 с.
2. Balkan L. Les effets du bilinguisme francais-anglais sur les aptitudes intellectuelles. Bruxelles : AIMAV (Association internationale pour la recherche et la diffusion des méthodes audio-visuélés ét structuro-globalés), 1970. 125 p.
3. Bialystok E. Reshaping the mind: The benefits of bilingualism // *Revue canadienne de psychologie expérimentale*, 65/4. 2011. Pp. 229.
4. Bialystok E., Martin M., Viswanathan M. Bilingualism across the lifespan: The rise and fall of inhibitory control // *International Journal of Bilingualism*, 9/1. 2005. Pp. 103–119.
5. Bialystok E., Fergus I., Craik F.I., Luk G. Bilingualism: consequences for mind and brain // *Trends in cognitive sciences*, 16/4. 2012. Pp. 240–250.
6. Bialystok E., Poarch G., Luo L., Fergus I.M., Craik F. I. Effects of bilingualism and aging on executive function and working memory // *Psychology and aging*, 29/3. 2014. Pp. 696–705.
7. Bialystok E., Shapero D. Ambiguous benefits: The effect of bilingualism on reversing ambiguous figures // *Developmental Science*, 8/6. 2005. Pp. 595–604.
8. Delamotte R., Akinci M.-A. Récits d'enfants: développement, genre, contexte. Rouen : Presses universitaires de Rouen et du Havre, 2012. 387 p.

9. Ferguson Ch. Diglossia // The bilingualism reader. Londres: Routledge, Li Wei (éd.). 2000. Pp. 58–73.
10. Hakuta K., Diaz R.M. The relationship between degree of bilingualism and cognitive ability: A critical discussion and some new longitudinal data // Children's Language, 5. 1985. Pp. 319–344.
11. Hamers J.F., Blanc M. Bilinguisme et bilinguisme. Bruxelles: Éditions Mardaga. 1983. 498 p.
12. Kovács A.M., Mehler J. Cognitive gains in 7-month-old bilingual infants // Actes de Colloque National Academy of Sciences, 106/16. 2009. Pp. 6556–6560.
13. Kubicek L.F., Le Houezec-Jacquemain F. L'évaluation des pratiques familiales de routine dans les trois premières années de la vie // Devenir, 14/4, 2002. Pp. 377–388.
14. Lambert W.E. The effects of bilingualism on the individual: Cognitive and sociocultural consequences // Bilingualism: Psychological, social, and educational implications, Cambridge, MA: Academic Press. 1977. Pp. 15–27.
15. Lüdi G., Py, B. Etre bilingue. Berne: Peter Lang Publishing, 2003. 203 p.
16. Paradis J., Nicoladis E., Crago M., Genesee F. Bilingual children's acquisition of the past tense: A usage-based approach // Journal of Child Language, 38/3. 2011. Pp. 554–578.
17. Peal E., Lambert W.E. The relation of bilingualism to intelligence. Psychological Monographs: General and Applied, 76/27, 1962. Pp. 1-23.
18. Veneziano E. Interactions langagières, échanges conversationnels et acquisition du langage // Contraste: Enfance et Handicap. Orthophonie chez le jeune enfant, 39/1. 2014. Pp. 31- 49.
19. Zubkova O., Annenkova A. Perception Peculiarities of Image Advertising Polycode Texts (Some Results of Experimental Research) // Modern Journal of Language Teaching Methods. Vol. 7, Issue 8 (August), 2017. C. 189–202.

TO THE QUESTION OF BILINGUALISM TYPES STUDY WITH AN ALLOWANCE FOR SOCIAL FACTORS

O.S. Zubkova

Kursk State University, Kursk

The article deals with some aspects of bilingualism studying in terms of language social factors realization. There are certain advances of bilinguals with early acquisition of two language systems such as cognitive flexibility, better control over executive functions while language information processing as well as language skills maturity which is objectified in the second language acquisition.

Keywords: bilingualism, early bilingualism, cognitive skills, foreign language culture, language socialization